

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Диспансеризация правовых основ оказания медицинской помощи

**Интерактивные конституции и конституционный краудсорсинг —
будущее конституционализма?**

Муниципальная демократия в цифровых реалиях

**Улучшить нельзя оставить:
исполнение решений Конституционного Суда России**

**Буддизм и конституционное право в Шри-Ланке:
конфронтация или симбиоз?**

Свобода мысли в эпоху когнитивных войн

СРАВНИТЕЛЬНОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Том 33

№ 1 (158) 2024

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель

О. Б. Сидорович

Издатель

ООО «Центр конституционных исследований»

Редационный совет

А. С. АВТОНОМОВ (Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова)

А. БЛАНКЕНАГЕЛЬ, сопредседатель (Университет им. Гумбольдта, Германия)

Н. А. БОГДАНОВА (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

А. Е. ВАШКЕВИЧ (Европейский гуманитарный университет, Литва)

Е. В. ГРИЦЕНКО (Санкт-Петербургский государственный университет)

И. П. КЕНЕНОВА (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

А. И. КОВЛЕР (Институт законодательства и сравнительного правоведения)

М. А. КРАСНОВ (НИУ «Высшая школа экономики»)

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ, сопредседатель (НИУ «Высшая школа экономики»)

Р. УИТЦ (Роял Холлоуэй, Лондонский университет, Великобритания)

С. ХОЛМС (Нью-Йоркской университет, США)

И. Г. ШАБЛИНСКИЙ (независимый эксперт)

А. ШАЙО (Венгерская академия наук, Венгрия)

Редационная коллегия

И. А. АЛЕБАСТРОВА (независимый эксперт)

А. П. ЕВСЕЕВ (НИУ «Высшая школа экономики»)

С. С. ЗАКИН (Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина)

И. А. КРАВЕЦ (Новосибирский государственный университет)

О. Н. КРЯЖКОВА (Российский государственный университет правосудия)

Б. НОБЛ (Университетский колледж Лондона, Великобритания)

У. ПАРТЛЕТТ (Университет Мельбурна, Австралия)

Д. СМИЛОВ (Софийский университет, Болгария)

С. А. ТЮЛЬКИНА (Университет Нового Южного Уэльса, Австралия)

Т. М. ХРАМОВА (независимый эксперт)

П. ЧЕЙСТИ (Колледж Св. Антония, Оксфордский Университет, Великобритания)

А. М. ЧИРИНОВ (Институт философии и права УрО РАН)

Главный редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ (ООО «Центр конституционных исследований»)

Заместители главного редактора

А. Г. РУМЯНЦЕВ (независимый юрист-исследователь)

А. А. ТРОИЦКАЯ (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)

Редакторы

М. Сидорович

С. Ф. Успенская

Корректоры

Т. Сейгер (англ.)

М. Сидорович

С. Ф. Успенская

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-82339 от 23 ноября 2021 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 300 экз. Периодичность – 4 номера в год. Цена свободная.

Подписной индекс (Каталог «Почта России») — ПН962.

Дата выхода в свет: 31 марта 2024 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Тел.: +7 (495) 608-69-59. Эл. почта: info@sko-journal.ru

Адрес издателя (фактический): 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»

117393, г. Москва, вн.тер.г. муниципальный округ Обручевский,

ул. Профсоюзная, д. 56, этаж 3, помещение XIX, ком. 321.

Тел.: +7 (495) 926-63-96; www.bukivedi.com; info@bukivedi.com

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.

© ООО «Центр конституционных исследований», 2024

В ФОКУСЕ: ПРАВО И МЕДИЦИНА

«ВЫЗДОРАВЛИВАТЬ ОТСЮДА»: 4

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ
КАТЕГОРИИ «МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ»

Константин Шарловский

АВТОНОМИЯ ЛИЧНОСТИ КАК ПРИНЦИП ОКАЗАНИЯ 25

МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ: МЕЖДУ ПАТЕРНАЛИЗМОМ
И (МНИМОЙ) СВОБОДОЙ ВЫБОРА

Александра Троицкая

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ 40

ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕЛЕМЕДИЦИНСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

Никита Федотов

ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРАУДСОРСИНГ 60

И МОДЕЛИ ЦИФРОВОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА
ДЛЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ
И КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Игорь Кравец

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ 90

И ЕЁ ОСОБЕННОСТИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Александр Черкасов

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ПРАВО В ЭПОХУ КОГНИТИВНЫХ ВОЙН: 110

ГАРАНТИИ СВОБОДЫ МЫСЛИ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ
НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ

Андрей Медушевский

БИКАМЕРАЛИЗМ

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ УЧАСТИЯ 138

ВЕРХНИХ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Мидхат Фарушкин

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ШРИ-ЛАНКА: КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ 161

РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМА
ДИСКРИМИНАЦИИ МЕНЬШИНСТВ

Владислав Толстых

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В РОССИИ

«НЕТ НИЧЕГО ВАЖНЕЕ МЕЛОЧЕЙ», ИЛИ 183

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Ирина Дудко

COMPARATIVE CONSTITUTIONAL REVIEW

Volume 33

1 (158) • 2024

Founder

O. Sidorovich

Publisher

Center for Constitutional Studies Ltd.

Editorial Advisory Board

A. AVTONOMOV (Griboedov Institute of International Law and Economics)
 A. BLANKENAGEL, Co-Chairman (Humboldt University, Germany)
 N. BOGDANOVA (Lomonosov Moscow State University)
 E. GRITSENKO (Saint Petersburg State University)
 S. HOLMES (New York University, USA)
 I. KENENOVA (Lomonosov Moscow State University)
 A. KOVLER (Institute of Legislation and Comparative Law)
 M. KRASNOV (Higher School of Economics)
 A. MEDUSHEVSKY, Co-Chairman (Higher School of Economics)
 A. SAJÓ (Hungarian Academy of Sciences, Hungary)
 I. SHABLINSKY (Independent Expert)
 R. UITZ (Royal Holloway University of London, UK)
 A. VASHKEVICH (European Humanities University, Lithuania)

Editorial Board

I. ALEBASTROVA (Independent Expert)
 P. CHAISTY (St. Antony's College in the University of Oxford, UK)
 A. CHIRNINOV (Institute of Philosophy and Law, UB RAS)
 A. EVSEEV (Higher School of Economics)
 T. KHRAMOVA (Independent Expert)
 I. KRAVETS (Novosibirsk State University)
 O. KRYAZHKOVA (Russian State University of Justice)
 B. NOBLE (University College London, UK)
 W. PARTLETT (Melbourne Law School, Australia)
 D. SMILOV (Sofia University, Bulgaria)
 S. TYULKINA (University of New South Wales, Australia)
 S. ZAIKIN (Kutafin Moscow State Law University)

Editor-in-Chief

O. SIDOROVICH (Center for Constitutional Studies Ltd.)

Co-Editors-in-Chief

A. RUMYANTSEV (Independent Legal Researcher)
 A. TROITSKAYA (Lomonosov Moscow State University)

Proofreaders

A. SAGER (eng.)
 M. SIDOROVICH
 S. USPENSKAYA

Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation
 Mailing Address: P. O. Box 140, Moscow, 129090, Russian Federation
 Tel.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35
 E-mail: info@sko-journal.ru
 https://sko-journal.ru/

© Center for Constitutional Studies Ltd., 2024

FEATURE: LAW AND MEDICINE

- “GET WELL FROM HERE”: CONSTITUTIONAL AND LEGAL DEFINITION OF “MEDICAL CARE”** **4**
 Konstantin Sharlovskiy
- PERSONAL AUTONOMY AS A PRINCIPLE OF MEDICAL CARE: BETWEEN PATERNALISM AND (IMAGINARY) FREEDOM OF CHOICE** **25**
 Alexandra Troitskaya
- ASPECTS OF MEDICAL CONFIDENTIALITY PROTECTION IN THE USE OF TELEMEDICINE TECHNOLOGY IN HEALTHCARE** **40**
 Nikita Fedotov

LAW IN THE DIGITAL ERA

- DEMOCRATIC CONSTITUTIONAL CROWDSOURCING AND MODELS OF DIGITAL CONSTITUTIONALISM FOR PUBLIC LEGAL COMMUNICATION AND CONSTITUTIONAL CHANGES** **60**
 Igor Kravets
- DIGITALIZATION OF LOCAL GOVERNMENT AND ITS FEATURES IN EUROPEAN COUNTRIES** **90**
 Alexander Cherkasov

POINT OF VIEW

- LAW IN THE EPOCH OF COGNITIVE WARFARE: HOW TO PROTECT CONSTITUTIONALISM FROM CHALLENGE OF THE NEW MANIPULATIVE TECHNOLOGIES?** **110**
 Andrey Medushevsky

BICAMERALISM

- CONSTITUTIONAL-LEGAL BASIS FOR THE PARTICIPATION OF SECOND CHAMBERS OF FEDERAL PARLIAMENTS IN THE LEGISLATIVE PROCESS: A COMPARATIVE ANALYSIS** **138**
 Midkhat Farukshin

CONSTITUTIONAL GUIDE

- SRI LANKA: CONSTITUTIONALISATION OF RELATIONS OF RELIGIOUS GROUPS AND THE PROBLEM OF DISCRIMINATION AGAINST MINORITIES** **161**
 Vladislav Tolstykh

CONSTITUTIONAL JUSTICE IN RUSSIA

- “THERE IS NOTHING MORE IMPORTANT THAN THE LITTLE THINGS”, OR THE PROBLEM OF EXECUTION OF DECISIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION** **183**
 Irina Dudko

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Право в эпоху когнитивных войн: гарантии свободы мысли перед вызовом новых технологий манипулирования сознанием

Андрей Медушевский*

Когнитивная война — понятие, введённое в публичное пространство в 2020 году, — оказалось в центре научных и политических дебатов последних лет в связи с анализом особенностей текущих военно-политических конфликтов. В отличие от традиционных видов войн (кинетических или связанных с применением физического насилия), когнитивные направлены на человеческий мозг и способность конструирования реальности путём использования новых технологий контроля над сознанием, восприятием и социальным поведением. Данное воздействие характеризуется интенсивностью информационного манипулирования, подменой доказательного знания фиктивным (феномен так называемой «постправды»), стиранием границ правового и неправового применения силы, размыванием традиционных правовых категорий и критериев их интерпретации. Революция в изучении мозга создала предпосылки к формированию новой области междисциплинарного синтеза — когнитивной юриспруденции и нейроправа, — но последствия использования его методов и технологий включают как позитивный, так и негативный эффект. Эта ситуация затрагивает когнитивные основы права, критерии интерпретации смысла традиционных правовых принципов и норм, соотношение права и этики, понятий и языка судебных решений. Автор анализирует релевантность концепции когнитивной войны, новые вызовы традиционным представлениям в области международного, конституционного, уголовного права, а также права войны и мира, стремясь найти ответ, как восстановить аутентичную роль конституционно-правовых гарантий свободы мысли перед лицом новых технологий когнитивно-информационного манипулирования. Центр тяжести состоит в реконструкции методов когнитивного правоведения и конструктивизма, роли нейронаук и нейроправа в формировании человеческого сознания, контроле над мозгом и процессом принятия решений. С этой точки зрения автор переосмысливает новые области правового регулирования, место и важность стратегических коммуникаций в обеспечении государственного суверенитета, когнитивной войне и судебном процессе, обсуждая вклад больших данных, искусственного интеллекта, сканирования мозга и других новых технологий формирования сознания, когнитивного фрейминга и манипулирования. Он обсуждает важность дефиниции когнитивной свободы как нового права человека в международном и конституционном праве, а также политической практике.

DOI: 10.21128/1812-7126-2024-1-110-137

→ *Когнитивная война; когнитивные правовые исследования; нейроправо; нейрополитика; милитаризация нейронаук; применение силы; фрейминг; автономные системы вооружений; сканирование мозга; когнитивная свобода индивида*

* Медушевский Андрей Николаевич — доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: amedushevsky@mail.ru).

1. Введение

Концепция когнитивной войны, введённая в научный оборот в 2020 году, стала предметом различных оценок, но при этом выявила ряд важных трендов в глобальном противостоянии. Существующее международное и конституционное право продолжает испытывать трудности в установлении ответственности государств за действия информационно-когнитивной войны: размываются критерии юридической квалификации этих действий, политическая ответственность за их инициирование, государственная принадлежность участников конфликта, число которых заметно возрастает за счёт разнообразных прокси-структур. Достижение целей когнитивной войны — подрыв легитимности правовой и политической системы противника — усматривается в виде информационного воздействия на общество и элиты, способного изменить их восприятие мира, иерархию ценностей или, в крайнем случае, просто дезориентировать их в момент предстоящего столкновения.

Милитаризация нейронаук становится мощным трендом глобального правового развития, создавая реальную угрозу фундаментальным правам человека. Существенным самостоятельным компонентом данной дискуссии является вклад новейших научных достижений в области нейронаук — нейроправа и нейрополитики, а также новых технологий когнитивного манипулирования и контроля над сознанием индивида и общества. Не менее важным оказывается вопрос противостояния методам когнитивной войны как с технологических, так и с формально-юридических позиций. В данной статье в центре внимания находится влияние этих технологий на механизм принятия решений в сфере правового регулирования, войны и судебной практики. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить направления текущих изменений, оценить их масштабы и следствия для сохранения когнитивной свободы индивида как основного условия динамичного развития общества.

2. Когнитивная война: концепция, проблемная область и границы применения

Когнитивная война (англ.: *cognitive warfare*) — понятие, введённое в публичное пространство аналитиками НАТО в 2020 году, — оказалось в центре научных и политических дебатов последних лет, актуализировавшихся в контексте конфликта на Украине 2014 года и особенно его новейшей острой фазы¹. Оно отражает ситуацию военного противостояния, в которой потенциально возможно перепрограммирование сознания с использованием современных технологий с тем, чтобы навязать противнику свою волю без обращения к средствам традиционной кинетической войны (физического воздействия) или при их использовании в минимальной степени. Наряду с пятью известными сферами войны (на земле, в воздухе, на воде, в космосе и киберпространстве), согласно этой концепции, сегодня появляется шестая — когнитивная².

¹ Подробнее об этой концепции и её критике см.: Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. 1 // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2. С. 85–98; Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Ч. 2 // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 92–107.

² См.: Du Cluzel F. Cognitive Warfare. Innovation Hub. June–November 2020. URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/20210113_CW-Final-v2-.pdf?ref=stratagem.no (дата обращения: 24.03.2024).

Данная ситуация определяется «революцией в изучении мозга»³ — совокупностью открытий в разных областях знания и связанных с ними методах управления сознанием. Речь идёт не только о возможностях кибервойны, но и о нано-, био-, инфо- и когнитивных технологиях, влияющих на человеческие возможности и часто имеющих двойное (военное и гражданское) назначение, открывающих перспективы программирования сознания индивида и общества или даже его замещения технологиями искусственного интеллекта. Хотя мы далеки от полного научного понимания мозга и всех его функций, учёные начинают приходить к некоторым выводам о том, как биохимические и электрические сигналы, передаваемые между нейронами, формируют замкнутый круг и порождают чувства страха, волнения, доверия и даже любви. С этими новыми знаниями о реакциях, которые влияют на человеческое поведение, изменение памяти и сознания, появляется возможность контролировать их извне в интересах разведки, войны, управления конфликтами.

Следствием становится изменение природы конфликтов и способов их разрешения: размывается грань между войной и миром, теми, кто участвует в боевых действиях и не участвует в них, зона боевых действий становится одновременно локальной и глобальной, столкновения всё чаще приобретают гибридный характер, а роль самоуправяемого оружия последовательно возрастает, «бросая вызов законам ведения войны»⁴. В этой перспективе ведётся обсуждение потенциала и методов когнитивного противостояния с использованием новейших технологий контроля за сознанием и, не в последнюю очередь, инструментов манипулирования категориями их оценки, которые существуют в правосознании общества.

Согласно К. Клаузевицу, война — это «акт насилия, направленный на принуждение противника исполнить нашу волю»⁵. Цель когнитивной войны та же, что и в других военных областях, и заключается в том, чтобы навязать волю одной стороны другой. Однако методы её ведения совершенно другие: в отличие от традиционных войн, когнитивная война не является кинетической (англ.: *non-kinetic*) или летальной, не использует конвенциональное насилие для принуждения противника выполнять чужую волю, но скорее формирует его волю, заставляя добровольно признать определённые ценности и стандарты поведения, включая их конституционно-правовое выражение.

Областью этой войны является не контроль над территорией, но «война за мозг», ибо человеческий разум должен отныне рассматриваться как «новая область войны». Поэтому данная война имеет тотальный характер (охватывает всё население противостоящих сторон конфликта), не предполагает привычного чёткого разделения фронта и тыла (поскольку они легко меняются местами), не ограничена во времени (не завершается, в отличие от известных типов военного противостояния, подписанием мирного договора или капитуляцией противника). Может ли, следовательно, когнитивная война быть признана войной с позиций традиционного международного права, или последнему требуется реформирование в этой области?

Согласно представленным определениям, когнитивная война — это *особый тип войны*, её «неконвенциональная форма, которая использует кибернетические инструменты для изменения когнитивного процесса противника, эксплуатируя ментальные

³ Баррет Л. Ф. Как рождаются эмоции. Революция в понимании мозга и управлении эмоциями / пер. с англ. Е. Поникарова. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018.

⁴ Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. М. : Эксмо, 2016. С. 67–68.

⁵ Фон Клаузевиц К. Принципы ведения войны / пер. с нем. Л. А. Игоревского. М. : Центрполиграф, 2020.

наклонности или рефлексивное мышление и вызывая умственные расстройства, имеет целью оказать влияние на процесс принятия решений и деятельность с негативным результатом как на индивидуальном, так и на коллективном уровне»⁶; это *стратегия*, фокусирующаяся на изменении того, как думает целевое население, и, таким образом, того, как оно действует; наконец, это прямая *атака* на истину и мысль, «*милитаризация общественного мнения* внешним игроком с целью 1) оказать влияние на публичную и правительственную политику и 2) дестабилизировать публичные институты»⁷ (курсив мой. — А. М.). Когнитивная война использует *иные методы воздействия на противника*, а её ведение может быть для него невидимым. Это не традиционные кинетические (то есть связанные с физическим насилием), но более интенсивные — когнитивные (то есть связанные с изменением сознания) — меры воздействия на противника. Наконец, в данном типе войны используются иные виды оружия — в этом качестве выступают нейросети, манипулирование большими данными, искусственный интеллект, а в конечном счёте — сами люди, сознание и поведение которых контролируется в ранее невиданной степени с помощью новых технических средств⁸.

Цель когнитивной войны достигается путём использования совокупности новых технологий сбора информации (большие объёмы данных, структурированных по разным параметрам), её анализа и распространения (кибернетические и компьютерные науки, искусственный интеллект), направленного использования для контроля над сознанием и социальным поведением (информация и дезинформация, психологические и инженеринговые технологии). В идеале предполагается возможность достичь победы над противником без обращения к традиционным средствам войны — помимо них или до начала их применения. Поэтому когнитивная война, согласно сторонникам этой концепции, носит всеобщий характер, охватывая разные сферы человеческой деятельности — от информационной сферы, экономики и политики до социального проектирования и управления в глобальном масштабе⁹.

⁶ Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept. 2022. URL: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/CW-article-Claverie-du-Cluzel-final_0.pdf (дата обращения: 24.03.2024).

⁷ Bernal A. et al. Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought. NATO Innovation Hub and Johns Hopkins University, 2020. P. 3. URL: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (дата обращения: 24.03.2024).

⁸ Во избежание одностороннего и политизированного понимания нашей позиции следует подчеркнуть, что вопрос о виновности какой-либо одной стороны текущего международного конфликта Запада и России в применении методов когнитивной войны лежит за пределами нашего рассмотрения в данной статье. Для западных теоретиков распространённым обоснованием её неизбежности служит убеждение в том, что такую войну уже начали и систематически ведут Россия и Китай (в виде информационной, психологической или гибридной войны, получившей обоснование в так называемой «доктрине Герасимова»). Для российских теоретиков, напротив, свойственно предположение, что эта концепция выражает стремление «коллективного Запада» к экспансии в глобальной информационной сфере в связи с растущим пониманием слабой эффективности воздействия конвенциональных средств вооружённого противостояния в условиях преодоления «однополярного момента». Есть и третья позиция, согласно которой информационная война вообще никогда не прекращалась и является имманентным параметром любого масштабного конфликта, а когнитивная война — это её качественно новое выражение на принципиально ином технологическом уровне. С учётом спорности самой концепции когнитивной войны мы видим задачу в академическом анализе альтернативных позиций в рамках дискуссии с упором на юридические аспекты их реализации в международном и конституционном праве.

⁹ Обзор позиций см.: Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance / ed. by B. Claverie, B. Prébot, N. Buchler, F. du Cluzel. Bruxelles: NATO Science and Technology Organization, 2022. URL: https://2050.su/wp-content/uploads/2023/02/CW_T08.-Cognitive-Warfare-The-Future-of-Cognitive-Dominance.pdf (дата обращения: 24.03.2024).

Право как способ конструирования социальной реальности до последнего времени мало значило для решения данного круга проблем, но сегодня оно оказывается в центре дискуссии о когнитивных войнах по целому ряду параметров, таких как предмет и границы правового регулирования когнитивного противостояния в международном и национальном праве; соотношение кинетических и некинетических войн; определение границы правового и неправового применения когнитивных методов воздействия; преступление и наказание в новых областях военных действий, не известных предшествующему правовому регулированию; переосмысление прав человека и ответственности государства в конфликтах нового типа при применении новых инструментов войны (нейронаук и искусственного интеллекта). Для конституционалистов важно определить, где проходят границы доказательности выводов в условиях когнитивных войн; каково соотношение различных интерпретаций смысла универсальных стандартов прав человека, войны и мира, легитимности политических режимов; каковы возможности анализа понятий и языка судебных решений, наконец, каковы перспективы защиты фундаментального права на свободу мысли.

3. Право и разум: методологический поворот к юридическому конструированию реальности

Рост масштабов правовой неопределённости в эпоху когнитивных войн делает недостаточными традиционные формально-юридические способы интерпретации права, основанные на классическом позитивизме и реализме. Эти представления, по мнению ряда современных исследователей, оказываются статичными и не отражают динамики трансформации смысла ключевых правовых категорий в быстро изменяющемся социальном контексте. Им на смену приходит когнитивная юриспруденция — методология реконструкции взаимоотношений права и разума в процессе формирования и закрепления в сознании индивида определённой картины мира, смысла и значения юридических норм, их альтернативных интерпретаций в социальном контексте, а также методов и технологий направленного когнитивного конструирования правовой реальности.

Ключевыми технологическими параметрами воздействия на сознание выступают интерактивные системы, конструирование смысла, его закрепление и переустановка памяти путём вытеснения одних воспоминаний другими с использованием различных суггестивных практик воздействия на сознание. *Интерактивные системы* (англ.: *interactive systems*) — идеальное пространство для подмены реальной картины мира особой виртуальной реальностью, которая способна аккумулировать большую совокупность информации (данных), комбинировать их параметры по разным критериям, представлять её на всех уровнях человеческого восприятия (в виде текста, звука, изображения, вкуса и запаха), причём делать это с высокой долей достоверности, интеллектуального вовлечения и эмоционального вклада. *Конструирование смысла* (англ.: *meaning-making*) — осмысление опыта, сфера аккумулирования, классификации и комбинирования различных элементов восприятия реальности, отражаемая и поддерживаемая в нарративах (описаниях событий, представленных в социальных сетях), выражающих привязку индивидуального опыта к коллективному. *Закрепление смысла*, в том числе фиктивного (англ.: *fiction priming*), включает механизмы автоматического взаимодействия по линии «стимул—ответ» для постепенного формирования устойчивых когнитивных представлений и создания стереотипов восприятия, определяющего действия. Эти процессы манипулирования сознанием охватывают не только настоящее, но и прошлое, включая особые технологии *преобразования памяти*. Под воздействием сугге-

тивных технологий реальные воспоминания могут быть вытеснены *замещённой или «имплантированной» памятью*, фактическая недостоверность или ложность которой не умаляет её воздействия на поведение индивида и общества¹⁰.

Контроль над индивидами осуществляется с помощью технологий, ранее отработанных в коммерческой сфере и избирательном процессе, таких как аналитика поведения, искусственный интеллект, способность искусственных систем к самообучению и аналитика больших данных¹¹, но не исключает и традиционных форм манипулирования информацией, понятиями и лингвистическими конструкциями в публичном пространстве. Общим результатом этого воздействия становится *когнитивный фрейминг* — направленные закрепление в сознании общества определённых новых правил или стереотипов. Фрейминг — процесс отбора, выделения и презентации определённого события, отражающий понимание участниками того, что есть, что происходит и что это значит. В правовой практике это важно для продвижения оценки определённого события в конкуренции с другими оценками. В когнитивной лингвистике метафорическому и лингвистическому фреймингу отводится ключевая роль в структурировании понятий правовой системы, поскольку это процесс, включающий в себя такие когнитивные факторы, как память, внимание, разум и выводы¹².

Главное отличие новых технологий манипулирования от традиционных (пропаганда, дезинформация, мизинформация) заключается в степени интенсивности воздействия на человеческое сознание, позволяющего перейти к его программированию. На практическом уровне в дело вступает комплекс так называемых «оперативных нейронаук», разрабатываемых преимущественно университетами США, используемых военными и специальными силами. «Интересы национальной безопасности в оперативной нейробиологии — по свидетельству их разработчиков — включают в себя *неинвазивные бесконтактные подходы к взаимодействию* с центральной и периферической нервной системой человека; использование *сложных повествований* для воздействия на нейронные механизмы, ответственные за создание и поддержание коллективных действий; *применение биотехнологий* для снижения эффективности противника и искусственного подавления когнитивных способностей; *дистанционный контроль активности мозга* с помощью ультразвука; *показатели индивидуальных различий в адаптивности и устойчивости* в экстремальных условиях; *влияние лишения сна* на работоспособность и циркадные ритмы; и *нейрофизиологические методы измерения стресса* во время военных тренировок по выживанию»¹³ (курсив мой. — А. М.). В интенции это означает установление внешнего контроля над сознанием индивида или группы с целью изменения восприятия реальности и соответствующих стандартов поведения.

Для юриспруденции эта новая реальность означает вызов, требующий как теоретического осмысления, так и пересмотра методологических подходов. Констатируется формирование особого направления исследований — *когнитивной правовой гуманитаристики* (англ.: *cognitive legal humanities*), ставящей своей задачей синтез гуманитарных и когнитивных наук, в частности права и психологии, для изучения таких факторов,

¹⁰ См.: Pastor A. Cognitive Warfare. 2023. URL: <https://www.scribd.com/document/640028102/CognitiveWarfare2022> (дата обращения: 24.03.2024).

¹¹ См.: Rai Leekha S. The Future of the Battle for Minds // Observer Research Foundation. 2022. 15 January. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-future-of-the-battle-for-minds/> (дата обращения: 24.03.2024).

¹² Об этом см., например: Manzanares J. V. Cognitive Linguistics and the Law // Anuari de Filologia. Estudis de Lingüística. Vol. 4. 2014. P. 185–200.

¹³ Eidelson R. Neuroscience, Special Forces and Yale // Counterpunch. 2013. 6 March URL: <https://www.counterpunch.org/2013/03/06/neuroscience-special-forces-and-yale/> (дата обращения: 24.03.2024).

как намерения, память, сознание, восприятие, рассуждение, внимание и эмоции применительно к юридическим вопросам¹⁴. *Когнитивное право* становится самостоятельным направлением исследований юридического конструирования и судебной практики¹⁵.

Центральной проблемой этих исследований выступает взаимодействие права и разума¹⁶ — переосмысление таких ключевых понятий, как сознание, намерение, воля, вина, ответственность¹⁷. Принятие юридических решений часто предполагает применение открытых концепций, преодолевающих жёсткие границы нормативизма. Когнитивные науки изучают как раз психологические процессы, выходя за пределы должного и затрагивая предубеждения, связанные в том числе с иррациональным в природе человека¹⁸. Юридическое мышление раскрывается с учётом таких факторов, как интуиция, воображение и язык, причём воображению отводится ключевая роль в связи между интуицией и языком¹⁹.

С этих позиций идёт поиск возможностей и пределов когнитивного конструирования правовой реальности²⁰. Правовой конструктивизм всё чаще противопоставляется правовому реализму. Правовой реализм исходит из того, что правовые положения отражают независимо существующую реальность (правовых фактов), а действие правовых норм имеет автоматический характер и автономно от вмешательства человека. Правовой конструктивизм, напротив, исходит из того, что правовые положения возникают в результате размышлений или выводятся путём интерпретации, а их истинность определяется объёмом информационного ресурса и качеством правовой аргументации²¹. Следовательно, именно аргументация в конечном счёте определяет содержание права, а когнитивное манипулирование ею ведёт к искажению данного содержания. Это наблюдение особенно справедливо в отношении конституционализма: толкование его важнейших принципов отсылает к определённой этико-политической теории, а правовая аргументация непременно включает моральный и политический компоненты²². Но именно эта сфера представлений о справедливости или несправедливости конституционно-правовых конструкций оказывается предметом острых противоречий при определении смысла, ценностей и легитимности политической власти.

В этом контексте важно раскрытие когнитивного подхода к направленному конструированию социальной (правовой) реальности, который представлен сегодня различными концепциями. Выдвигается «теория когнитивного конструктивизма», выполняющая функциональную роль в поиске, классификации и анализе информации, формировании

¹⁴ См.: *Del Mar M., Stern S. Cognitive Legal Humanities: An Introduction // Critical Analysis of Law. Vol. 10. 2023. No. 1. P. 1–10. URL: <https://cal.library.utoronto.ca/index.php/cal/article/view/41642> (дата обращения: 24.03.2024).*

¹⁵ См.: *Pirker B., Smolka J. The Future of International Law is Cognitive — International Law, Cognitive Sociology and Cognitive Pragmatics // German Law Journal. Vol. 20. 2019. No. 4. P. 430–448.*

¹⁶ См.: *Law and Mind: A Survey of Law and the Cognitive Sciences / ed. by B. Brožek, J. Hage, N. A. Vincent. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.*

¹⁷ См.: *Stelmach J. The Cognitive Approach in Legal Sciences and Practice: A History of Four Revolutions // Law and Mind: A Survey of Law and the Cognitive Sciences / ed. by B. Brožek, J. Hage, N. A. Vincent. P. 507–520.*

¹⁸ См.: *Hage J. Are the Cognitive Sciences Relevant for Law? // Law and Mind: A Survey of Law and the Cognitive Sciences / ed. by B. Brožek, J. Hage, N. A. Vincent. P. 17–49.*

¹⁹ См.: *Brožek B. The Architecture of the Legal Mind // Law and Mind: A Survey of Law and the Cognitive Sciences / ed. by B. Brožek, J. Hage, N. A. Vincent. P. 138–164.*

²⁰ См.: *Медушевский А. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5(84). С. 30–42.*

²¹ См.: *Hage J. Legal Reasoning and the Construction of Law // i-Lex. Vol. 7. 2012. No. 16. P. 81–105.*

²² См.: *Vidal I. L. In Defence of a Constructivist Conception of Legal Interpretation // Revus. Vol. 40. 2020. P. 63–83.*

знаний и обучении на глобальном уровне²³. Предлагается «комплексный юридический конструктивизм», который можно определить как «теоретическую и методологическую структуру, состоящую (в основном) из интеграции современных когнитивных наук и комплексной теории, для того, чтобы понять, каким образом позитивное право и правовая теория влияют на построение социальной реальности через агентов и институты». Социальная реальность при этом определяется как совокупность представлений и эмоций, определяющая «наше институционализированное и intersubъективно контролируемое социальное взаимодействие»²⁴. Праву эпохи «постправды» с её тенденциями к мифологизации, информационному манипулированию и упрощению процесса познания противопоставляется метод «критического конструктивизма» — перманентного анализа ситуации познания и его инструментов в правовых исследованиях²⁵. Данный анализ, очевидно, не может игнорировать и инструменты, искажающие процесс познания и правового конструирования реальности.

4. Битва за мозг: милитаризация нейронаук и новые технологии управления сознанием

В современных условиях констатируется резкое увеличение роли когнитивных факторов воздействия на сознание общества противника за счёт вытеснения традиционных кинетических компонентов этого воздействия. Нейронауки позволяют изучать механизмы принятия решений человеком в политике и юриспруденции, связывая мозг, сознание и общество²⁶. Категоризация действий сторон внутри когнитивной области является предпосылкой того, чтобы определить, какой правовой режим управляет поведением государств. Ряд новейших определений содержания понятия когнитивной войны концентрируется на человеческом восприятии как продукте познавательной способности (англ.: *cognition*), то есть на том, «что мозг делает с информацией и как он это делает», определяя процесс принятия решений. Именно эта способность находится под атакой «когнитивной войны»²⁷.

Когнитивная нейронаука родилась из синтеза когнитивной психологии и нейропсихологии, открыв, в свою очередь, путь для целой совокупности новых дисциплин. Одной из них стало *нейроправо* — дисциплина, изучающая процесс принятия человеком решений²⁸, в частности параметры взаимодействия технологий и права²⁹. Важным эта-

²³ См.: *Kasemsap K.* Theory of Cognitive Constructivism // Information Seeking Behavior and Technology Adoption: Theories and Trends / ed. by M. Nasser Al-Suqri, A. Saif Al-Aufi. Hershey, PA : Information Science Reference, 2015. P. 1–25.

²⁴ *Cáceres E.* Complex Legal Constructivism: Law, Cognition and Complexity. Oxford Seminar. 16 June 2017. URL: <https://www.law.ox.ac.uk/events/complex-legal-constructivism-law-cognition-and-complexity> (дата обращения: 17.03.2024).

²⁵ См.: *Pardede J.N., Poluakan P.H.* Law and Post-Truth: Critical Constructivism as an Ideal Legal Reasoning Method on Indonesia's Post-Truth Era Society // *Volksgeist*. Vol. 4. 2021. No. 1. P. 1–9.

²⁶ См.: *Social Neuroscience: Brain, Mind, and Society* / ed. by R. K. Schutt, L. J. Seidman, M. S. Keshavan. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2015.

²⁷ *Claverie B.* What Is Cognition? And How to Make It One of the Ways of the War? // *Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance* / ed. by B. Claverie, B. Prébot, N. Buchler, F. du Cluzel. Bruxelles : NATO Science and Technology Organization, 2022. P. 4-1–4-17. URL: <https://hal.science/hal-03635907/document> (дата обращения: 24.03.2024).

²⁸ См.: *Bottalico B.* Cognitive Neuroscience, Decision Making and the Law // *European Journal of Risk Regulation*. Vol. 2. 2011. No. 3. P. 427–432.

²⁹ Становление этого направления отражено в статье: *Mora M.N.* How Law and Neuroscience Became a New Field of Study // *Bioethics Update*. Vol. 5. 2019. No. 2. P. 75–88.

пом применения когнитивных методов в правоведении стали очерчивание этой проблемной области юристами в начале 2000-х годов³⁰, развитие взаимодействия наук о мозге и правоведах, для которого, однако, было характерно присутствие опасений, связанных с непосредственным использованием точных методов в судебном процессе и доказательственном праве³¹. В настоящее время эта область охватывает широкий комплекс вопросов — от этики, эмоций и философии права до анализа механизмов принятия решений, судебной практики и проблем доказательности³². В области нейрорава приоритетными направлениями выступают методы объективного исследования субъективных состояний; такие параметры, как свобода воли, ответственность и свобода моральных суждений; психическое здоровье, эмоции и предвзятость; вопросы доказательности в судебном разбирательстве³³.

Политическая нейронаука — другое важное новое направление в исследовании процесса принятия человеческим мозгом решений по ключевым аспектам политической социализации. В рамках этого направления, по мнению его сторонников, существует возможность выявлять систему идеологических пристрастий, оценки политических кандидатов, а также выборов и коллективного участия³⁴. Появление «*политической нейробиологии*» — результат междисциплинарного проекта, включающего политологию, психологию и когнитивную нейробиологию, — стимулировало исследования по следующим параметрам: расовые предрассудки и межгрупповые отношения; существование партийной предвзятости и мотивированного политического познания; природа различий между левыми и правыми в политической ориентации; и пространственная структура политических взглядов³⁵. Перспективным признаётся объединение таких направлений, как компьютерное моделирование, нейронауки и науки о поведении, способные реконструировать «политический мозг» — механизм принятия политических решений с учётом когнитивных черт, культурных основ, эмоций, предрассудков, информационного коридора восприятия, социально-политического контекста, мотиваций, определяющих идеологические пристрастия³⁶.

В военно-политической области изучение этих факторов связано с продвижением и *милитаризацией наук о мозге*. Милитаризация нейронаук, как констатируют аналитики, идёт быстрыми темпами. В США программы Агентства перспективных исследовательских проектов в области обороны (англ.: DAPRA), Проекта перспективных исследований разведки (англ.: IARPA) и нескольких подразделений вооружённых сил изучают способы использования науки о мозге для повышения эффективности боевых действий и операторов разведки, стремясь изменять возможности противников в отношении ключевых когнитивных и физических задач. Аналогичные проекты реализуются други-

³⁰ См.: Solan L. M. Symposium: Cognitive Legal Studies: Categorization and Imagination in the Mind of Law // Brooklyn Law Review. Vol. 67. 2002. No. 4. P. 941–948.

³¹ См.: Garland B., Glimcher P. W. Cognitive Neuroscience and the Law // Current Opinion in Neurobiology. 2006. No. 16. P. 130–134.

³² См.: См. программу новейшей конференции: Law and Cognitive Science Conference. 26–28 July 2023. URL: <https://futurelawlab.pl/law-cognitive-science-conference/> (дата обращения: 24.03.2024).

³³ См.: Goodenough O. R., Tucker M. Law and Cognitive Neuroscience // Annual Review of Law and Social Sciences. Vol. 6. 2010. P. 61–92.

³⁴ См.: Haas I. J., Warren C., Lauf S. J. Political Neuroscience: Understanding how the Brain Makes Political Decisions. URL: <https://osf.io/preprints/psyarxiv/kvzcf> (дата обращения: 24.03.2024).

³⁵ См.: Jost J. T., Nam H. H., Amodio D. M., Van Bavel J. J. Political Neuroscience: The Beginning of a Beautiful Friendship // Political Psychology. Vol. 35. 2014. No. 1. P. 3–42.

³⁶ См.: Zmigrod L., Tsakiris M. Computational and Neurocognitive Approaches to the Political Brain: Key Insights and Future Avenues for Political Neuroscience // The Royal Society Publishing. 2021. 22 February. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2020.0130> (дата обращения: 24.03.2024).

ми странами НАТО, Военными альянсами, не входящими в НАТО (к примеру, NNMA), Россией и Китаем, а также Ираном и Северной Кореей. Исследования мозга и использование их информации и результатов в медицине, следуя данным представлениям, способны повлиять на мягкую силу, обеспечив преимущество, если не гегемонию, соответствующего государства на мировых экономических рынках. Кроме того, нейроактивные препараты, микробы, токсины и устройства могут использоваться в качестве оружия для прямого воздействия на когнитивные и физические способности как дружественных сил (то есть эффекты оптимизации), так и противников (то есть эффекты очернения)³⁷. Военная наука о мозге, по мнению китайских исследователей, включает в себя следующие параметры: понимание мозга, защита мозга, мониторинг мозга, повреждение мозга, вмешательство в мозг, восстановление мозга, усиление мозга, моделирование мозга и вооружение мозга³⁸.

Сама эта возможность, впрочем, оценивается по-разному, выражая раскол в стане нейробиологов. Одна часть учёных, признавая значение нового тренда, говорит о необходимости противостоять «нейромифологии» и «нейрофантазии», балансирующей между завышенным оптимизмом и паранойей, призывает к осторожности в выводах и опасности радикальных социальных обобщений³⁹. Другая часть исследователей, ассоциированная с военными ведомствами, стоит на позициях этического нигилизма, полагая, что взлом нейронного кода способен окончательно решить проблему соотношения разума и тела, положив конец «бессмысленной тысячелетней болтовне». То, что они не верят в существование души, по меткому наблюдению одного из аналитиков, вовсе не означает, что они не готовы продать свою душу, вступив, например, в роман с Пентагоном⁴⁰. Однако при этом обе группы учёных согласны с тезисом о появлении новых практически неограниченных возможностей манипулирования сознанием в интересах войны.

Новое оружие теоретически способно оказывать влияние на восприятие информации, трансформацию чувств, умов и политических ощущений путём внедрения эмоций, меняющих поведение. Международное право теоретически позволяет регулировать нейрооружие, однако государства научились обходить данное регулирование в своих интересах, реализуя значительное число программ по созданию такого оружия⁴¹. Милитаризация нейронаук уже сегодня лежит в основе разработок ряда «футуристических видов оружия»⁴². Их наиболее продвинутыми видами, вызывающими сомнение с этической точки зрения, признаются эксперименты в области контроля за высокотехнологичным оружием исключительно с помощью мысли (англ.: *mind-machine interfaces*); создания «живых роботов» (англ.: *living robots*), контроль над которыми осуществляется с помощью имплантов в мозгу; различных видов сканирования мозга для контро-

³⁷ См.: *Giordano J.* Is Neuroscience the Future of Warfare? // Defence IQ. 2019. 17 April. URL: <https://www.defenceiq.com/defence-technology/articles/neuroscience-and-future-warfare-1> (дата обращения: 24.03.2024).

³⁸ См.: *Jin H., Hou L.-J., Wang Z.-G.* Military Brain Science — How to Influence Future Wars // Chinese Journal of Traumatology. Vol. 21. 2018. No. 5. P. 277–280.

³⁹ См.: *Jones D.* Unpicking the Brain // Prospect Magazine. 2010. 24 February. URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/53821/unpicking-the-brain> (дата обращения: 24.03.2024).

⁴⁰ См.: *Horgan J.* Neuroscientists Don't Believe in Souls — But That Doesn't Mean They Can't Sell Theirs // Scientific American. 2010. 24 March. URL: <https://blogs.scientificamerican.com/cross-check/neuroscientists-dont-believe-in-souls-but-that-doesnt-mean-they-cant-sell-theirs/> (дата обращения: 24.03.2024).

⁴¹ Обзор таких программ см.: *Brunner R. C., Lentzos F.* Militarising the Mind: Assessing the Weapons of the Ultimate Battlefield // BioSocieties. Vol. 14. 2018. No. 4. P. 1–47. URL: https://kclpure.kcl.ac.uk/ws/portalfiles/portal/94550726/Militarising_the_Mind_LENTZOS_Accepted9February2018_GREEN_AMA.pdf (дата обращения: 24.03.2024).

⁴² *Gusterson H.* The Militarization of Neuroscience // Bulletin of the Atomic Sciences. 2007. 9 April. URL: <https://thebulletin.org/2007/04/the-militarization-of-neuroscience/> (дата обращения: 24.03.2024).

ля, мониторинга и управления психикой солдат; создания нейрооружия (использования биологических веществ для воздействия на мозг); создания особых стимуляторов для подавления страха солдат в бою⁴³. Самостоятельной темой выступает поиск ответа как на прямые, так и на косвенные когнитивные атаки с целью обеспечить контроль над их деструктивными следствиями (англ.: *subversive control*)⁴⁴.

В перспективе возможных кризисов будущего данные технологии, как предполагается, могут быть использованы для поддержания контроля элит над собственным населением с целью предотвратить социальные беспорядки или акты насилия⁴⁵. В настоящее время эти тенденции дошли до своей кульминации в концепции когнитивных войн с упором на создание новых видов оружия, которое может воздействовать на когнитивные способности (нейронного) или действует помимо человека (технологии искусственного интеллекта).

5. Когнитивные факторы в механизме принятия военно-политических решений

Милитаризация нейронаук, ставшая одним из современных трендов, проецирует их выводы на анализ механизма принятия решений в военной сфере⁴⁶. Констатируется изменение природы военных конфликтов, которые, как отмечалось, в возрастающей мере опираются на методы ведения войны, не связанные с физическим насилием или, во всяком случае, не сводимые к нему. Новые технологии когнитивно-информационного воздействия меняют не только традиционный образ войны, но и её статус в международном гуманитарном праве, а также в конституционном и уголовном праве. Они создают базовые предпосылки для изменения критериев правовой квалификации действий сторон военного конфликта с включением в неё целого ряда новых параметров. Трудность установления ответственности правительств за когнитивные атаки и прокси-операции не позволяет эффективно отвечать и принимать контрмеры против этих операций, способных существенно повредить государствам.

Инструментами достижения целей становятся: достижение военных преимуществ на стадии подготовки поля боя; сбор информации и психологические операции для уменьшения способности противника к ответным действиям; ослабление гражданской поддержки на территории противника; использование технических средств (от космической разведки до мобильных телефонов) для сбора информации о противнике; важная роль прокси-сил как постоянного фактора в отношениях между ведущими государствами на предконфликтной стадии подготовки поля боя; использование сил специальных операций для выявления, установление контакта и развития отношений с диссидентами и группами сопротивления на вражеской территории в целях подавления способности противника к быстрому переходу к военным действиям⁴⁷.

⁴³ См.: *Moreno J.D.* Mind Wars: Brain Research and National Defense. Washington, DC : Dana Press, 2006.

⁴⁴ См.: *Rickli J.-M., Mantellassi F., Glasser G.* Peace of Mind: Cognitive Warfare and the Governance of Subversion in the 21st Century. URL: <https://www.gensp.ch/publications/peace-mind-cognitive-warfare-and-governance-subversion-21st-century> (дата обращения: 24.03.2024).

⁴⁵ См.: *Krishnan A.* Military Neuroscience and the Coming Age of Neurowarfare. London : Routledge, 2016.

⁴⁶ См.: *Le Guyader H.* Weaponization of Neuroscience. 2020. URL: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/WoNS.pdf> (дата обращения: 24.03.2024).

⁴⁷ См.: *Watts S., Lawless R.* The Law and Character of War in 2035 // Lieber Institute for Law and Warfare at West Point. 2022. 25 March. URL: <https://lieber.westpoint.edu/law-character-war-2035/> (дата обращения: 24.03.2024).

Самостоятельные факторы когнитивной войны — масштаб, скорость и темп вооружённых конфликтов: в результате применения новых технологий они чрезвычайно возрастают. Важным аспектом современной войны признаётся состояние стратегических коммуникаций. Эта тема включает в себя ряд ключевых параметров: информационная прозрачность (возможность противников непосредственно отслеживать все действия друг друга — от начала конфликта до его завершения и последствий); размытость фронта и тыла (которые легко меняются местами в зависимости от ситуации); и необычайное ускорение темпов военных действий за счёт применяемых технических средств искусственного интеллекта. Когнитивно-рациональные решения (наряду с решениями, основанными на предшествующем опыте или наблюдениях) становятся одним из способов быстрого реагирования на изменение ситуации⁴⁸.

В перспективе ускорения темпов развития противостояния, по мнению аналитиков, возможны войны между государствами, где победа или поражение будет определяться в долях одного часа, что делает человеческий контроль над процессом практически невозможным. Данная ситуация требует дополнительных усилий по защите стратегических коммуникаций, сбора информации и механизмов принятия решений. Это ставит проблемы передачи команд и контроля, которые имеют тенденцию превышать человеческие возможности. В дело вступает искусственный интеллект — нейросети, техника манипулирования массовым сознанием и автономные от человека системы вооружений, хотя правовое регулирование их применения находится на начальной стадии⁴⁹.

Механизм принятия военно-политических решений, следуя данной логике, в перспективе будет включать в себя сложный комплекс стратегических коммуникаций, определяющих когнитивные решения, — командных рычагов управления, а также определяться скоростью и темпами развития конфликта и военных действий. В будущем, согласно имеющимся прогнозам, потребует власть делегированного принятия решений как на уровне командования людьми, так и в рамках управления техникой.

В силу ускорения темпов военных действий до пределов, превышающих возможности человеческого сознания, больший оперативный контроль и принятие решений будут делегироваться искусственному интеллекту — автономным системам контроля и подавления противника на поле боя. Прогнозирование военно-политических конфликтов и их исхода, поэтому, включает в себя анализ когнитивных факторов противостояния, уровня контроля над сознанием общества, правовые и технические параметры его поддержания.

6. Размывание границ между агрессией и самообороной в когнитивной войне

В условиях когнитивной войны констатируется размывание границы между агрессией и самообороной в их международно-правовом понимании. Это означает, что существует растущее противоречие в интерпретации конфликтующими сторонами двух ключевых принципов, зафиксированных в Уставе ООН. Первый из них (статья 2(4) Устава ООН) запрещает использование силы против целостности территории и независимости другого государства. Другой (статья 51) вводит главное исключение из первого — допускает

⁴⁸ См.: Shortland N. D., Alison L. J., Moran J. M. Conflict: How Soldiers Make Impossible Decisions. Oxford : Oxford University Press, 2019.

⁴⁹ См.: Watts S., Lawless R. Op. cit.

самооборону от вооружённой атаки против члена ООН⁵⁰. Суть проблемы заключается в различии позиций сторон в истолковании своего статуса, истолковании, которое способно менять местами понятия нападения и самообороны в зависимости от текущего политического интереса каждой из конфликтующих сторон. Целью когнитивной войны оказывается продвижение сторонами собственного нарратива и вытекающих из него параметров легитимации поведения. Именно такова была интерпретация международного права в контексте текущего конфликта на Украине, стороны которого апеллировали к указанным статьям Устава ООН, давая противоположную оценку природы конфликта и путей выхода из него⁵¹.

Эти статьи Устава ООН были написаны, когда летальные кинетические действия были главными инструментами войны. Право войны определяется как часть международного права, которая регулирует обращение к военной силе, ведению боевых действий и защите жертв войны как в международных, так и в немеждународных военных конфликтах, к военной оккупации, а также отношения между воюющими, нейтральными и невоюющими государствами. Этот подход направлен на проведение различия между *jus in bello* и *jus ad bellum*, причём первое из этих понятий применяется равным образом и к агрессии, и к жертвам агрессии. Подразумеваемое право на самооборону используется в ответ на любую военную атаку: не только военные атаки государств, но и применение любой силы должно соответствовать международному праву⁵². Однако является ли когнитивное воздействие, направленное на сознание человека, применением подобной силы, особенно если его трудно доказать?

Когнитивная война — не кинетическая и не является однозначно летальной. Агрессия и самооборона легко меняются местами, особенно с учётом различного технологического потенциала соперников, один из которых способен навязать своё представление другим государствам. Установление правового порога в когнитивной области очень трудно, но необходимо, если речь идёт об урегулировании подобного конфликта или определении его специфики (в отличие, например, от близких понятий «информационной», «кибернетической» или «гибридной» войны).

Информативным представляется сравнение когнитивной войны с войной в киберпространстве. Действия в рамках кибервойн не являются кинетическими (поскольку не происходит физического насилия, его заменяет манипулирование компьютерными кодами), однако их результаты могут оказаться ещё более деструктивными, чем результаты традиционных войн. В соответствии с этим подходом критерий квалификации актов когнитивной войны (по аналогии с кибератаками) определяется не методами, но результатами их применения, точнее, степенью их деструктивного воздействия. Представлены три позиции. Первая из них определяет порог для акций, которые прямо и намеренно направлены на причинение значительного физического эффекта (например, компьютерный вирус, разрушающий инфраструктуру противника), что позволяет квалифицировать их как использование силы (и потенциальный триггер права на национальную самооборону). Вторая позиция — даёт более широкую трактовку деструктивных следствий акций когнитивной войны, не связывая их непосредственно с физическим ущербом (на

⁵⁰ См.: Charter of the United Nations and Statute of the International Court of Justice. New York : United Nations: Office of Public Information, 1945.

⁵¹ См.: Медушевский А. Н. Кризис международного права и украинский конфликт // Неприкосновенный запас. 2023. № 1 (147). С. 53–69.

⁵² См.: Boothby W. H., von Heinegg W. H. The Law of War. A Detailed Assessment of the US Department of Defense Law of War Manual. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. P. 10–29.

пример, вмешательство одного государства в избирательную кампанию в другом с целью провести удобного кандидата). Третья позиция предполагает учёт более отдалённых последствий когнитивных войн — они могут не включать в себя непосредственного применения насилия, но поощрять его и, в конечном счёте, привести к физическому насилию (например, провоцируя протесты с последующей насильственной сменой режима). Соответственно, из этого следует, что государство имеет право использовать военную силу для односторонней самозащиты от кибератак, которые в интенции или прямо ведут к смерти и разрушению⁵³. Обсуждается вопрос о том, насколько этот подход может быть использован для развития правовых дефиниций и метрик для когнитивных актов войны. С учётом непрямого характера воздействия когнитивных войн рамки, предложенные для киберсферы, не могут просто быть применены к когнитивной области, но требуют переосмысления. В связи с этим предлагается отличать когнитивную войну от информационной и кибервойны⁵⁴.

Дилемма состоит в следующем. Если признать, что спонсируемые государством операции по когнитивному воздействию на противника представляют собой применение силового воздействия, то международное право вооружённых конфликтов и использование силы оказываются применимы. В этом случае правомерно говорить об агрессии одного государства против другого и, соответственно, о праве последнего на самооборону, в том числе в виде вооружённого ответа. Но если операции когнитивной войны не признаются силовым воздействием, данная логика международного права не действует. Этим объясняется тот факт, что в современном мире широкое распространение получают различные гибридные варианты военных конфликтов, где прямое силовое воздействие камуфлируется под некинетическое воздействие, затрудняющее его квалификацию в рамках понятий агрессии и самообороны⁵⁵. Характерен спор о том, можно ли организовать защиту социума от такого воздействия и как могли бы выглядеть формы и инструменты противодействия когнитивной атаке противника. Представленные сегодня рекомендации касаются сферы управления социальными сетями, фильтрации и селекции информации, дезавуирования враждебного контента⁵⁶, но, очевидно, не решают проблемы по существу, поскольку в перспективе могут привести к ограничению фундаментальных прав и свобод.

По мере продвижения технологий когнитивной войны встаёт вопрос о том, может ли когнитивная война в принципе служить обоснованием для начала кинетической, а если может, то каковы здесь правила соразмерности. Ответ на него гипотетически может быть положительным: в случае очевидных (доказанных) деструктивных следствий применения методов когнитивной войны кинетический ответ на них должен быть признан легитимным, а его соразмерность будет определяться степенью разрушительности последствий (ближайших и более отдалённых) когнитивной войны для конкретной страны. В этом случае юридическая сторона вопроса определяется выяснением точности доказательств и оценки следствий когнитивной войны с позиций международного права, ко-

⁵³ Обзор позиций в этой дискуссии см.: *Björgul L. K. Cognitive Warfare and the Use of Force // Stratagem*. 2021. 3 November. URL: <https://www.stratagem.no/cognitive-warfare-and-the-use-of-force/> (дата обращения: 24.03.2024).

⁵⁴ См.: *Du Cluzel F. Cognitive Warfare, a Battle for the Brain*. URL: [https://www.sto.nato.int/publications/STO%20Meeting%20Proceedings/STO-MP-HFM-334/\\$MP-HFM-334-KN3.pdf](https://www.sto.nato.int/publications/STO%20Meeting%20Proceedings/STO-MP-HFM-334/$MP-HFM-334-KN3.pdf) (дата обращения: 24.03.2024).

⁵⁵ См.: *Björgul L. K. Op. cit.*

⁵⁶ См.: *The Invisible Threat: Tools for Countering Cognitive Warfare*. 2021. URL: <https://www.canada.ca/en/department-national-defence/campaigns/fall-2021-nato-innovation-challenge.html> (дата обращения: 24.03.2024).

торое, в свою очередь, призвано выработать соответствующую (ныне отсутствующую) систему понятий и предписаний в этой области.

7. Искусственный интеллект и право: автономные системы вооружения и их правовой статус

Важной самостоятельной частью дискуссии о когнитивной войне становится правовой статус новых видов оружия, связанных с развитием искусственного интеллекта. В когнитивной войне в дело вступают новые методы противостояния, включающие применение широкого спектра технических средств косвенного и прямого воздействия на противника, в том числе его физическое подавление. Прогресс в этой области привёл к размыванию чётких границ между гражданскими и военными технологиями (которые ранее разделялись достаточно чётко), изменению самого понятия «оружие» и его правового регулирования⁵⁷. Вместе с тем стало понятно стремление к юридической фиксации новых обязательств сторон по применению этих технологий⁵⁸ и возможностей противостояния их использованию противником⁵⁹.

Вопросы войны и мира в международном праве регулируются Женевскими конвенциями 1949 года⁶⁰. Протокол № 1 к Женевской конвенции от 12 августа 1949 года (статья 36) обязывает государства — участники военного конфликта учитывать законность «нового оружия, способов и методов войны» (англ.: *«a new weapon, means or methods of warfare»*) перед его применением. Цель данной нормы — предотвратить использование оружия, которое может нарушить международное право во всех обстоятельствах, и наложить ограничения на использование оружия, способного нарушить данное право при некоторых обстоятельствах, определив законность применения вооружений до того, как они будут приняты в арсеналы государств. Государство, следовательно, должно взвесить допустимость оружия и его применения с позиций международного права⁶¹.

Каждый компонент этой триады сегодня нуждается в переосмыслении. Во-первых, понятие «оружие» традиционно интерпретируется как все объекты, предназначенные для нанесения вреда лицам и объектам и осуществляющие это, но не охватывает систем, вред от воздействия которых эмпирически неочевиден и недоказуем. Во-вторых, меняется представление о «способах и методах ведения войны»: они, как было показано, выходят за рамки кинетической войны и включают в себя новые формы пассивного (электронный шпионаж) и активного (кибервойны) воздействия на противника, не связанные с применением физического насилия. В-третьих, эволюция технологий войны привела к появлению инструментов косвенного причинения вреда противнику, которые

⁵⁷ См.: *New Technologies and the Law of Armed Conflict* / ed. by H. Nasu, R. McLaughlin. Canberra : Springer, 2014.

⁵⁸ См.: *Schmitt M. N. War, Technology and the Law of Armed Conflict // International Law Studies. Vol. 82: The Law of War in the 21st Century: Weaponry and the Use of Force* / ed. by A. M. Helm. Newport, RI : Naval War College, 2022. P. 137–182.

⁵⁹ См.: *The Invisible Threat: Tools for Countering Cognitive Warfare*.

⁶⁰ *The 1949 Geneva Conventions: A Commentary* / ed. by F. Clapham, P. Gaeta, M. Sassoli. Oxford : Oxford University Press, 2015.

⁶¹ Имеется в виду Дополнительный протокол к Женевской конвенции от 12 августа 1949 года в отношении защиты жертв международных военных конфликтов — Протокол № 1 от 8 июня 1977 года, который регулирует оружие, методы и способы войны (статья 36). Подробнее см.: *A Guide to the Legal Review of New Weapons, Means and Methods of Warfare: Measures to Implement Article 36 of Additional Protocol I of 1977*. Geneva : International Committee of the Red Cross, 2006. P. 932–933.

существенно меняют способ боевых действий, но не могут быть сведены к традиционному определению оружия и требуют новой правовой квалификации⁶². Важные вопросы заключаются в том, должны ли военные объекты обязательно иметь физическую природу. Можно ли, например, рассматривать данные как гражданский объект, нуждающийся в защите, или как военный объект, а также считать манипулирование данными нападением или актом насилия и следует ли определять оккупацию исключительно как физический захват территории?⁶³

В центре внимания данной дискуссии находится проблема правовой неопределённости автономных систем вооружения. Lethal Autonomous Weapons Systems (LAWS) — это новые технологии войны, которые выводят человеческий фактор из её ведения, радикально меняют концепцию войны, а также расстановку сил в мире (отдавая преимущество ограниченной группе стран с высоко развитыми технологиями по сравнению с остальными, которые ими не располагают)⁶⁴. Появляются виды вооружений, использующие искусственный интеллект, которые позволяют осуществлять идентификацию, выбор цели и её уничтожение без необходимости какого-либо человеческого участия, а между комбатантами и целями создаётся дистанция (например, дроны-убийцы, самостоятельно выбирающие цели)⁶⁵. Различные подходы к этой проблеме представлены в экспертном сообществе: одни исследователи говорят о перспективности данных видов вооружений в силу их эффективности в качестве дополнения к традиционным формам войны (поскольку они способны заменить большое число солдат), другие — указывают на непредсказуемость их применения с точки зрения поражения мирного населения (что документировалось в ходе войн США в Ираке и Афганистане).

Основная проблема — трудность правового урегулирования применения подобных вооружений, которое находится в зачаточной стадии. Констатируется разрыв между эволюцией технологий и гуманитарным правом, который может стать фатальным в ходе войны в так называемых серых зонах (не урегулированных нормами международного права), если в них будет применяться данное оружие. Даже при существовании специального закона нельзя наказать техническую систему: невозможно обвинить робота и бессмысленно привлекать его к ответственности за преступление, поскольку он не обладает свободой морального выбора. Неприменимы оказываются и нормы уголовного права, поскольку неясно, кто должен нести ответственность за преступление: будет это программист, офицер или некий абстрактный персонаж, призванный сократить политический вред. Реального ответа на эти вопросы нет, поскольку система действует в режиме самостоятельного принятия решений, но не способна судить об их последствиях. Это делает проблематичным определение автономных систем вооружения (англ.: LAWS) в контексте правового регулирования когнитивных военных действий.

⁶² См.: *Klonowska K.* Shifting the Narrative: not Weapons, but Technologies of Warfare // Humanitarian Law and Policy Blog. 2020. 20 January. URL: <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2022/01/20/weapons-technologies-warfare/> (дата обращения: 24.03.2024).

⁶³ См.: *New Technologies of Warfare: Can International Law Keep Up?* // Finnish Institute of International Affairs. 2015. 2 September. URL: <https://www.fiaa.fi/en/event/new-technologies-of-warfare-can-international-law-keep-up> (дата обращения: 24.03.2024).

⁶⁴ См.: *Fleming J.* Changing the LAW(S) of War: The Normative Implications of Autonomous Weapons Systems // Centre for International and Defence Policy. 2022. 25 April. URL: <https://medium.com/centre-for-international-and-defence-policy/changing-the-law-s-of-war-the-normative-implications-of-autonomous-weapons-systems-803c7b484574> (дата обращения: 24.03.2024).

⁶⁵ См.: *Trager R. F., Luca L. M.* Killer Robots Are Here — and We Need to Regulate Them // Foreign Policy. 2022. 11 May. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/05/11/killer-robots-lethal-autonomous-weapons-systems-ukraine-libya-regulation/> (дата обращения: 24.03.2024).

Соответствие новых типов оружия, основанных на искусственном интеллекте, масштабу статьи 36 Протокола № 1 к Женевской конвенции 1949 года предлагается установить на основе четырёх критериев: соответствие международному праву; интегральный вклад в процесс принятия военных решений и операций; информация для решения по принятию военных решений и операций; предполагаемое использование в военных действиях⁶⁶. Открытым остаётся вопрос о том, можно ли сделать это применительно к когнитивным войнам, операции которых в идеале вообще незаметны, а используемое оружие и цепочка команд по его применению всё меньше напоминают традиционные формы военных действий?

8. Механизм принятия правовых решений и нейротехнологии контроля сознания

Развитие нейробиологии привело к созданию нейротехнологий, способных записывать и стимулировать процессы работы мозга, в том числе в сфере правового конструирования⁶⁷. Применение нейронаук в судебной практике стало обсуждаться в начале XXI века⁶⁸ и получило своё дальнейшее развитие сегодня⁶⁹. Методы нейронаук уже используются в судебных заседаниях для проведения различий между истинной и ложной памятью, а также для доказательства состоятельности утверждений в суде⁷⁰. Выделяется семь направлений использования нейронаук в судебном процессе: обоснование (для поддержания доказательств); обнаружение (для получения трудноуловимых внутренних факторов, таких как степень повреждений мозга); сортировка (для категоризации людей в определённой правовой классификации, например, отделения здоровых от нездоровых); отвод (для оспаривания институционализированной презумпции); вмешательство (для рекомендации вмешательства); объяснение (для освещения бесспорных, однако недостаточно понятных явлений); и предсказание (для предсказания будущего поведения людей).

Сам факт привлечения нейронаук в правовой сфере оказывает влияние как на поведение обвиняемых, защитников и судей, так и на характер судебных заседаний и приговоров в целом. Констатируется растущее использование в суде доказательств, полученных с применением нейронаук в последние два десятилетия в рамках уголовного правосудия. Это относится как к нейронауке в целом, то есть к использованию любых выводов в отношении мозга подозреваемого в преступлении (англ.: *neuroscientific evidence*), так и конкретно к доказательствам, основанным на нейроимеджевых технологиях (англ.: *neuroimage-based evidence*), которые включают в себя сканирование мозга и визуализацию процессов его деятельности. Всё более частое обращение к этим технологиям характерно в рамках работы с особо тяжкими преступлениями при вынесении

⁶⁶ См.: Fleming J. Op. cit.

⁶⁷ См.: Haselager P. Implications of Neurotechnology: Brain Recording and Intervention // Law and Mind: A Survey of Law and the Cognitive Sciences / ed. by B. Brożek, J. Hage, N. A. Vincent. P. 353–369.

⁶⁸ См.: Harmanci R. Some Key Court Cases Involving Neuroscience // Sfgate. 2008. 17 October. URL: <https://www.sfgate.com/science/article/some-key-court-cases-involving-neuroscience-3190309.php> (дата обращения: 24.03.2024).

⁶⁹ См.: Recent Cases in Law and Neuroscience // Center for Law, Brain & Behavior. 2020. 14 October. URL: <https://clbb.medium.com/recent-cases-in-law-and-neuroscience-43c6d18ca4a1> (дата обращения: 24.03.2024).

⁷⁰ См., например, осторожное признание перспективности этого направления: Schacter D.L., Loftus E.F. Memory and Law: What Can Neuroscience Contribute? // Nature Neuroscience. Vol. 16. 2013. No. 2. P. 119–123.

обвинительных приговоров (в частности, 25 % случаев касаются процессов, связанных с возможностью применения смертной казни)⁷¹.

Этот тренд, ассоциируемый с нейроправом, ставит как этические, так и юридические проблемы. Так, возникает вопрос о том, насколько установление контроля над мозгом человека вообще соответствует универсальным стандартам прав, а полученные таким путём данные могут использоваться в качестве доказательств в судебной практике. Кроме того, не может ли экстраполирование этих технологий в сфере безопасности привести к утрате контроля над ними?

9. Сканирование мозга: технологический прорыв или угроза правам человека?

Сканирование мозга — технологии, позволяющие наблюдать за его деятельностью. Технически сканирование включает в себя разные методы — от размещения сети электродов на коже головы человека (электроэнцефалография — ЭЭГ) до помещения пациента под воздействие мощного МРТ для мониторинга активности мозга в реальном времени. Сканируя контрольные сигналы, такие как электрическая активность или кровоток, исследователи могут сделать выводы о том, что человек думает или испытывает. Это может быть использовано в качестве усовершенствованного детектора лжи, но и в более широком контексте — для добывания судебных доказательств. Сегодня «возможность сканировать человеческий мозг и заглядывать в сознание людей заставляет общество оценивать, как доказательства нейробиологии следует использовать в суде и какие меры защиты могут потребоваться, чтобы гарантировать, что они не подорвут права человека». Другая технология — сканирование активности зрительной коры головного мозга, которая может быть использована для записи снов или воспоминаний человека. До настоящего времени данные о сканировании мозга, попадая в зал суда, использовались скорее как медицинские доказательства либо в качестве аргумента в пользу смягчающих обстоятельств, однако в перспективе они могут применяться как реальные доказательства, наподобие отпечатков пальцев. При этом они таят в себе большую опасность для прав и свобод, поскольку, например, ставят под вопрос право обвиняемого не свидетельствовать против самого себя. В конце концов, как заявляет эксперт, ещё предстоит понять, «каковы ваши права в зале суда, когда в качестве доказательства против вас используют ваш собственный мозг...»⁷².

Изобретатели данной технологии утверждают, что система может различать воспоминания людей о событиях, свидетелями которых они были, и о поступках, которые они совершили. Индия стала первой страной, которая осудила человека за преступление, основываясь на доказательствах этой противоречивой машины — сканера мозга, который создаёт изображения человеческого разума в действии и, как говорят, помнит подробности рассматриваемого действия (преступления). В деле по обвинению женщины в убийстве жениха судья заявил, что мозг подозреваемой содержит «эмпирические знания» о преступлении, которыми мог обладать только убийца, и приговорил её к пожизненному

⁷¹ Обзор литературы и судебной практики см.: Aono D., Yaffe G., Kober H. Neuroscientific Evidence in the Courtroom: A Review // *Cognitive Research: Principles and Implications*. Vol. 4. 2019. No. 1. URL: <https://cognitive-researchjournal.springeropen.com/articles/10.1186/s41235-019-0179-y> (дата обращения: 24.03.2024).

⁷² Gaines J. Brain Scans in the Courts: Prosecutor's Dream or Civil Rights Nightmare? Experts Debate the Legal Promise and Pitfalls of Technology for Peering into People's Minds // *Inside Science*. 2018. 14 March. URL: <https://www.insidescience.org/news/brain-scans-courts-prosecutors-dream-or-civil-rights-nightmare> (дата обращения: 24.03.2024).

заключению в тюрьме⁷³. Напротив, в деле *США против Семрау* (2012 года) защита попыталась включить результаты МРТ-сканирования, чтобы подтвердить правдивость утверждений обвиняемого, однако это не было принято судом, в частности, из-за опасения создать прецедент использования подобных технологий. Таким образом, оценки данных экспериментов в научном сообществе были диаметрально противоположны, тем более что технология не прошла серьёзной экспертной оценки.

Создаёт ли современное использование нейробиологических доказательств в уголовных судах продвижение или проблемы с правами человека? С одной стороны, ответ позитивен. Так, предлагается использовать нейронауку для расширения номенклатуры защищаемых прав и свобод, то есть для создания реабилитационной модели правосудия, где можно будет отстаивать иски о нанесении вреда в ныне трудноопределяемых областях идентификации боли — деградации разума, сознания, причинения эмоциональной боли и страданий, которые уже не будут рассматриваться как принципиально отличные от физических страданий. Рекомендуются даже «разработать стандарт для использования нейробиологических доказательств в суде и для принятия политических решений, аналогичный стандартам, используемым для генетических данных или судебно-медицинской экспертизы»⁷⁴. Однако последовательное проведение нейроправовых подходов угрожает самим основам существующих правовых систем: если мозг работает в детерминированном мире, исчезает понятие о свободе воли и уголовной ответственности.

С другой стороны, ответ негативен. Констатируется опасность контроля когнитивных процессов, разума, «чтения мыслей», когда под угрозой оказываются положения как минимум шести поправок к конституции США (1, 4–7 и 14), включая такие важные постулаты, как свобода мысли и неприкосновенность личной жизни⁷⁵. Новые технологии бросают вызов ряду традиционных представлений о судебной власти — её рациональности и беспристрастию, поскольку подвергают эти понятия сомнению. Выбор судей зависит от путей функционирования мозга и, следовательно, не исключает эмоций, предубеждений, проявлений симпатии и антипатии к различным группам людей, что, в свою очередь, не исключает возможности направленного воздействия на эти процессы⁷⁶.

10. Вызовы классическому конституционализму в сфере когнитивно-информационного противостояния

Рост масштабов правовой неопределённости в эпоху когнитивных войн делает недостаточными традиционные формально-юридические способы интерпретации права, основанные на классическом позитивизме и реализме. Комплекс вопросов, определяемых понятием когнитивной войны, требует переосмысления с позиций когнитивного международного и конституционного права.

⁷³ См.: *Giridharadas A.* India's Novel Use of Brain Scans in Courts is Debated // *The New York Times*. 2008. 14 October. URL: <https://www.nytimes.com/2008/09/15/world/asia/15brainscan.html> (дата обращения: 24.03.2024).

⁷⁴ *Rosenthal H.* Scanning for Justice: Using Neuroscience to Create a More Inclusive Legal System // *Columbia Human Rights Law Review*. Vol. 50. 2019. No. 3. P. 290–338.

⁷⁵ См.: *Giordano J., Kraft C.J.* Integrating Brain Science and Law: Neuroscientific Evidence and Legal Perspectives on Protecting Individual Liberties // *Frontiers*. 2017. 8 November. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnins.2017.00621/full> (дата обращения: 24.03.2024).

⁷⁶ См.: *Bradley A.S.* The Disruptive Neuroscience of Judicial Choice // *UC Irvine Law Review*. Vol. 9. 2018. No. 1. P. 1–51. URL.: <https://scholarship.law.uci.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1332&context=ucilr> (дата обращения: 24.03.2024).

Это важно, во-первых, с точки зрения понимания когнитивных процессов правового конструирования реальности. Существует необходимость пересмотра или как минимум корректировки ряда категорий международного права, таких как война, насилие, оккупация, агрессия, самооборона, безопасность, превентивное государство. В отношении конституционного права эта дискуссия актуализировала понятия легитимности, суверенитета, безопасности, когнитивного доминирования элиты, технологий их поддержания и подрыва, включая использование кибервойн, технических средств сбора информации и перепрограммирования сознания. В тенденции новые технологии не исключают продвижение «имплантированной легитимности», «замещённого суверенитета», направленной селекции правовых стандартов и политизации конституционного правосудия. Решающим фактором их принятия оказывается формируемая система психологических установок — когнитивных пристрастий, которые в рамках политической культуры осознанно или бессознательно определяют восприятие рисков и выбор индивида в пользу определённой модели правового и политического поведения, например либеральной демократии или нелиберального популизма⁷⁷.

Во-вторых, целесообразно скорректировать теорию и практику принятия юридических решений с позиций когнитивной социологии, антропологии и лингвистики в рамках такого направления, как когнитивное конституционное право. Поскольку главной целью когнитивных атак является подрыв суверенитета враждебного государства, в сознании общества и власти происходит смещение приоритетов — от защиты конституционных прав к поддержанию безопасности как предпосылки их обеспечения. Угроза безопасности приобретает новый характер когнитивно-информационного противостояния, и ей трудно противодействовать с помощью традиционных инструментов государственного контроля. Когнитивным войнам может противостоять только адекватная по масштабам система защиты от них, которая способна быть эффективна лишь при централизации контроля и управления новыми технологиями, но которая при этом не подрывает основы правового государства. Сохраняет значение вопрос о том, возможно ли это в принципе и, если возможно, как должна выглядеть система сдержек и противовесов в сфере когнитивно-информационного противостояния.

В-третьих, требуется уточнение правовых норм, разработанных для урегулирования военных конфликтов традиционного типа, в связи с новой когнитивно-информационной реальностью, в частности, для определения порога использования силы, отделяющего правомерные и неправомерные манёвры в когнитивной сфере. Право войны, как оно сложилось исторически, целесообразно дополнить правом когнитивных военных действий, участники которых в идеале не должны переступать пределы гуманитарного права. Важно установить, как традиционная система международно-правовых гарантий и национальных сдержек и противовесов может действовать в области нейросетей и искусственного интеллекта, а эволюция права войны — учитывать новые технологии, цели и методы войны, выходящие за пределы кинетических войн прошлого, а также способы верификации применения этих методов.

В-четвёртых, когнитивное конструирование правовой реальности ведёт к переосмыслению роли международных и конституционных судов, превращая их из «уст закона» в полноценные лаборатории установления и фиксации смысла соответствующих принципов и норм, в том числе с учётом перспективных трендов политики права. Данная стратегия включает в себя меры по согласованию правовых и политических устано-

⁷⁷ См.: *Kahan D.M. Cognitive Bias and the Constitution // Chicago-Kent Law Review. Vol. 88. 2013. No. 2. P. 367–410.*

вок разрешения когнитивных конфликтов между транснациональными, национальными и внутринациональными участниками конституционного процесса. Значение этих подходов, безусловно, возрастает в условиях конфликта цивилизаций — принципиально различных ценностных установок, затрудняющих единое понимание смысла универсальных правовых стандартов и их судебной интерпретации. Решение проблемы должного правосудия усматривается критиками международного права в теории когнитивного правосудия (англ.: *cognitive justice*), в единственной, по их мнению, теории, которая позволяет решить проблему Глобального Юга, связанную с преодолением исторической асимметрии и неравенства подходов развитых и развивающихся государств, а также с беспристрастным рассмотрением различных идентичностей и форм знания⁷⁸. Выдвигается конституционная философия, основанная на когнитивном правосудии как концепции, продвигающей нормативные и концептуальные рамки для установления справедливого порядка в постколониальных странах⁷⁹.

В-пятых, частью дискуссионной повестки становится выработка новой системы понятий, основанных на консенсусе представителей разных правовых культур и государств в отношении регулирования методов и технологий соперничества в сфере когнитивного контроля над сознанием и допустимых правовых границ его осуществления. Если ранее суды руководствовались формальной социологией права и толкованием лингвистических конструкций, то в настоящее время им предлагается принять методы когнитивной социологии и ориентироваться на понимание языка как коммуникативного инструмента, продукта культурной репрезентации различных сообществ, а также дискурсивные практики, формирующие нарративы и инструменты выражения идей и опыта социума, образующих поле встречи разных ментальных подходов, связанных, более или менее опосредованно, с социальной практикой и технологиями когнитивно-информационного воздействия⁸⁰. Эти требования, впрочем, сталкиваются с простым контраргументом, а именно с отсутствием идеальной нейтральной медиации, исключающей когнитивное манипулирование.

11. Когнитивная свобода — новое фундаментальное право человека?

Вопросы правового регулирования новых технологий решаются сторонниками и противниками когнитивной войны противоположным образом. Теоретики когнитивной войны занимаются тем, как добиться трансформации сознания направленным воздействием на мозг⁸¹, стремятся сделать сознание «орудием войны»⁸², создать набор инструментов для атаки на «истину и мысль»⁸³, опираясь на возрастающие ресурсы милитаризации нейронаук⁸⁴. Принципиально новым является могущество современных технических средств когнитивного конструирования реальности. Речь идёт о настоящей «битве за

⁷⁸ См.: *Cognitive Justice in a Global World: Prudent Knowledges for a Decent Life* / ed. by B. S. Santos. Lanham : Lexington Books, 2007; *Velden M. Design for a Common World: On Ethical Agency and Cognitive Justice // Ethics and Information Technology*. Vol. 11. 2008. No. 1. P. 37–47.

⁷⁹ См.: *Bagu K. J. Cognitive Justice, Plurinational Constitutionalism and Post-Colonial Peacebuilding. A Constitutional Philosophy on Identity; the Global South, Central Nigeria* : Ph.D. Thesis. Edinburgh : The University of Edinburgh, 2014.

⁸⁰ См.: *Pirker B., Smolka J.* Op. cit.

⁸¹ См.: *Claverie B., du Cluzel F.* Op. cit.

⁸² *Claverie B.* Op. cit.

⁸³ *Bernal A. et al.* Op. cit.

⁸⁴ См.: *Le Guyader H.* Op. cit.

мозг»⁸⁵, результаты которой неочевидны в международном и национальном правовых контекстах. Тезису о милитаризации наук о мозге противостоит концепция их изначальной принадлежности к военной сфере, что подтверждается устоявшимся пониманием данной научной сферы как инструмента «двойного назначения» и программами военного использования наук о мозге в США и ЕС⁸⁶.

Иной подход демонстрируют сторонники демилитаризации нейронаук и введения соответствующих ограничений технологий в область этического, правового и общественного контроля. Трансгуманистический поворот в военных исследованиях подрывает фундаментальные этические принципы: никто не знает, каковы непредсказуемые (или побочные) результаты применения новых технологий для общества; что произойдёт в случае утраты контроля над ними или их попадания в руки третьей стороны; как следует понимать долг и ответственность военнослужащих в условиях манипулирования их сознанием; удастся ли сохранить представление о справедливой войне в условиях размывания или исчезновения границы между допустимым обманом противника и вероломством⁸⁷?

Предлагается ввести новые права, обеспечивающие «ментальное самоопределение» (англ.: *mental self-determination*), «когнитивную свободу» (англ.: *cognitive liberty*), «психологическую преемственность» (англ.: *psychological continuity*), говорится о необходимости «ментальной автономии» (англ.: *mental autonomy*) и «ментальной приватности» (англ.: *mental privacy*). Если контроль над мыслями становится технически осуществим, то оправдана постановка вопроса о его границах, то есть о том, какие мысли могут быть признаны неправильными, а какие — правильными; кто определяет эти границы и каковы возможности их нарушения государственными и негосударственными (корпоративными) акторами. В этой связи появляются заявления о необходимости правового запрета нелегитимного манипулирования мыслью (англ.: *illegitimate manipulation of thought*) и установлении гарантий свободы от наказания за определённые мысли⁸⁸. В целом в данном случае доминирует правозащитная логика «борьбы за нашу когнитивную свободу»⁸⁹.

Итак, результаты применения всего комплекса нейронаук неочевидны: ими может стать как расширение прав человека посредством включения новых параметров их защиты, так и полностью контролируемый социум в стиле «мыслепреступлений» Дж. Оруэлла. В таком случае когнитивное регулирование приобретает тотальный характер принятия идеи социального (государственного) контроля над нейросетями в целях уменьшения риска когнитивного манипулирования. Это делает обоснованными размышления о закреплении когнитивной свободы как одного из всеобщих прав человека одновременно на международном и конституционном уровнях наряду со свободой мысли и слова.

⁸⁵ Farahany N.A. *The Battle for Your Brain: Defending the Right to Think Freely in the Age of Neurotechnology*. New York: St. Martin's Press, 2023.

⁸⁶ См.: Howell A. *Neuroscience Hasn't Been Weaponized — It's Been a Tool of War from the Start* // *The Conversation*. 2016. 1 December. URL.: <https://theconversation.com/neuroscience-hasnt-been-weaponized-its-been-a-tool-of-war-from-the-start-69097> (дата обращения: 24.03.2024).

⁸⁷ См.: Unsworth J. *Neuroethics Meets Just War Theory: Ethical Issues and the Development of the Third Offset Strategy*. Fort Sam Houston, TX: Army Medical Education Center, 2013.

⁸⁸ См.: McCarthy-Jones S. *The Autonomous Mind: The Right to Freedom of Thought in the Twenty-First Century* // *Frontiers*. 2019. 26 September. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frac.2019.00019/full> (дата обращения: 24.03.2024).

⁸⁹ Mineo L. *Fighting for Our Cognitive Liberty* // *The Harvard Gazette*. 2023. 26 April. URL: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2023/04/we-should-be-fighting-for-our-cognitive-liberty-says-ethics-expert/> (дата обращения: 24.03.2024).

12. Выводы

Дискуссия о когнитивных войнах подсвечивает чрезвычайно актуальную проблему приведения теории и практики конституционного регулирования в соответствие с достижениями нейронаук и новых технологий манипулирования сознанием. Защита фундаментальных конституционных ценностей уже не может игнорировать деструктивный потенциал этих технологий, подрывающих неизменное ядро соответствующих принципов, но действующих помимо и вне их чёткого конституционного определения. На опасность данного тренда указывает трансформация позиций международных и национальных судебных инстанций по интерпретации фундаментальных конституционных ценностей, принципов и прав, не исключающая их серьёзных ограничений, политизации толкования и когнитивного фрейминга — сознательного принятия превентивных (досудебных) установок идеологического характера в отношении предполагаемых противников.

Концепция когнитивной войны, при всей её спорности, представляет интерес для выявления новых факторов правового регулирования. Отсутствие точного определения методов когнитивной войны затрудняет как применение норм гуманитарного права, так и определение водораздела между нападением и защитой. Исчезает и чёткое представление о сторонах конфликта (ими необязательно выступают государства); профессиональных военных и гражданском населении (поскольку последнее вовлечено в процессы манипулирования сознанием); начале и конце войны (который не фиксируется традиционным подписанием мира). Война за сознание человека, с учётом научной революции в изучении мозга и технологий воздействия на его когнитивные возможности, рискует стать перманентной. Это ставит под вопрос защиту объектов гражданской инфраструктуры и гражданских лиц — вплоть до их когнитивной адекватности, что предполагает необходимость уточнения правил войны и принятия во внимание новых факторов её ведения.

Когнитивной войне следует противопоставить возможности противодействия ей, которые можно свести к трём группам.

Первое — изучение способов когнитивного конструирования социальной (правовой) реальности в качестве самостоятельной проблемы исследований; определение вклада нейронаук в целом и нейроправа в частности в установление правовых границ контроля над сознанием и возможностей управления им.

Второе — раскрытие реального потенциала стратегических коммуникаций и информационных технологий, их вклада в поддержание качества информационного ресурса; выявление центров производства информации, её распространения и направленного искажения, а также стоящих за ними интересов; критический анализ информации, основанный на верификации данных; защита стратегических коммуникаций от внешних воздействий с позиций международного, конституционного и информационного права.

Третье — создание институтов медиации конфликтов на новом уровне и с более широкой репрезентативной базой участников; преобразование международных институтов путём изменения представительства, в частности судов, а также применяемых ими методов интерпретации и аргументации решений по ключевым проблемам когнитивного противостояния. Сегодня в связи с усложнением технологий должно появиться взаимодействие специалистов разного профиля — когнитивных психологов, нейроюристов, возможно, технических специалистов по информационным сетям или сканированию мозга.

Итак, дискуссия о когнитивных войнах и их правовом регулировании позволяет чётко поставить вопрос о реализации конституционного права на свободу мысли в XXI веке.

Важно определить понятие свободы мысли и когнитивного манипулирования мыслительной деятельностью и представить защиту от него, которая может быть основана на принятии новых международных актов или дополнении существующих специальных конституционных норм, законов, судебной интерпретации, реконструкции механизмов технического регулирования и развитии образования населения.

В сфере практических рекомендаций следует, вероятно, выяснить, что определяется как «когнитивное манипулирование», и параллельно установить правовые границы использования технологий контроля и изменения сознания. Это позволит решить главную задачу, которая заключается в фиксации права человека на когнитивную свободу с определением уровня и мер его необходимой защиты в международном, конституционном, корпоративном праве, а также в праве войны, уголовном и процессуальном праве. «Битва за мозг» в этом случае перестаёт быть сферой тотальной войны без правил и приобретает характер юридически урегулированного соперничества мировых центров силы.

Библиографическое описание:

Медушевский А. Право в эпоху когнитивных войн: гарантии свободы мысли перед вызовом новых технологий манипулирования сознанием // Сравнительное конституционное обозрение. Т. 33. 2024. № 1 (158). С. 110–137. EDN KCEYQC.

Law in the epoch of cognitive warfare: how to protect constitutionalism from challenge of the new manipulative technologies?

Andrey Medushevsky

Doctor of Sciences in Philosophy, Tenured Professor, Faculty of Law, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: amedushevsky@mail.ru).

Abstract

Cognitive warfare — the notion introduced in public space in 2020 — is at the core of academic and political debates of recent times for the explanation of the current military and political conflicts. As opposed to more traditional kinetic wars the cognitive ones concentrate on human brain and the very capability of reality constructivism by using new technologies of mind control, perception and social behavior. This new type of war is characterized by totality of information manipulation, substitution of reliable knowledge by fiction (post-truth condition), the dissolution of borders between legal and illegal use of force, and criteria of their interpretation. Revolution in studies of the brain opened the way to a new interdisciplinary area — cognitive jurisprudence and neuro-law — but its methods and technologies have both positive and negative effect. This situation concerns cognitive grounds of law, the sense of traditional legal principles and norms interpretation, ethics and law relations, definitions and linguistics of judicial decisions. The author analyses new challenges to traditional mindsets in the areas of international, constitutional and criminal law, as well as the law of war and peace in order to find the solution of one problem — how to reestablish the authentic role of constitutional guarantees in front of technologies of cognitive-information manipulations. The center of gravity is put in the reconstruction of methods of cognitive jurisprudence and constructivism, the role of neuro-sciences and neuro-law in formation of human mind, brain-control and decision-making process. From that point of view the author rethinks the new areas of legal regulation, place and importance of strategic communications in the protection of state sovereignty, cognitive warfare and judicial process, debating the impact of big data, artificial intellect, brain screening and other new technologies of mind-making, cognitive framing and manipulations. He argues the importance of the definition of cognitive freedom as a new human right in international and constitutional law as well as in political practice.

Keywords

cognitive warfare; cognitive legal studies; neuro-law; neuro-politics; weaponization of mind-studies; use of force; framing; autonomous weapons systems; brain scanning; individual cognitive freedom.

Citation

Medushevsky A. (2024) Pravo v epokhu kognitivnykh voyn: garantii svobody mysli pered vyzovom novykh tekhnologiy manipulirovaniya soznaniem [Law in the epoch of cognitive warfare: how to protect constitutionalism from challenge of the new manipulative technologies?]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 33, no. 1, pp. 110–137. (In Russian).

References

- (Aono D., Yaffe G., Kober H. (2019) Neuroscientific Evidence in the Courtroom: A Review. *Cognitive Research: Principles and Implications*, vol. 4, no. 1. Available at: <https://cognitiveresearchjournal.springeropen.com/articles/10.1186/s41235-019-0179-y> (accessed: 24.03.2024).
- Bagu K. J. (2014) *Cognitive Justice, Plurinational Constitutionalism and Post-Colonial Peace-building. A Constitutional Philosophy on Identity; the Global South, Central Nigeria*: Ph.D. Thesis, Edinburgh: The University of Edinburgh.
- Barrett L. F. (2018) *Kak rozhdaiutsya emotsii. Revolyutsiya v ponimanii mozga* [How emotions are made. The secret life of the brain], E. Ponikarov (transl.), Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (In Russian).
- Bernal A. et al. (2020) Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought. NATO Innovation Hub and Johns Hopkins University. Available at: <https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-03/Cognitive%20Warfare.pdf> (accessed: 24.03.2024).
- Bjørngul L. K. (2021) Cognitive Warfare and the Use of Force. *Stratagem*, 3 November. Available at: <https://www.stratagem.no/cognitive-warfare-and-the-use-of-force/> (accessed: 24.03.2024).
- Boothby W. H., von Heinegg W. H. (2018) *The Law of War. A Detailed Assessment of the US Department of Defense Law of War Manual*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Bottalico B. (2011) Cognitive Neuroscience, Decision Making and the Law. *European Journal of Risk Regulation*, vol. 2, no. 3, pp. 427–432.
- Bradley A. S. (2018) The Disruptive Neuroscience of Judicial Choice. *UC Irvine Law Review*, vol. 9, no. 1, pp. 1–51. Available at: <https://scholarship.law.uci.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1332&context=ucilr> (accessed: 24.03.2024).
- Brožek B., Hage J., Vincent N. (eds.) (2021) *Law and Mind. A Survey of Law and the Cognitive Sciences*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Brunner R. C., Lentzos F. (2018) Militarising the Mind: Assessing the Weapons of the Ultimate Battlefield. *BioSocieties*, vol. 14, no. 4, pp. 1–47. Available at: https://kclpure.kcl.ac.uk/ws/portalfiles/portal/94550726/Militarising_the_Mind_LENTZOS_Accepted9February2018_GREEN_AMA.pdf (accessed: 24.03.2024).
- Cáceres E. (2017) *Complex Legal Constructivism: Law, Cognition and Complexity*: Oxford Seminar. 16 June. Available at: <https://www.law.ox.ac.uk/events/complex-legal-constructivism-law-cognition-and-complexity> (accessed: 24.03.2024).
- Clapham F., Gaeta P., Sassoli M. (eds.) (2015) *The 1949 Geneva Conventions: A Commentary*, Oxford: Oxford University Press.
- Claverie B. (2022) What Is Cognition? And How to Make It One of the Ways of the War? In: Claverie B., Prébot B., Buchler N., du Cluzel F. (eds.) *Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance*, Bruxelles: NATO Science and Technology Organization, pp. 4-1–4-17. Available at: <https://hal.science/hal-03635907/document> (accessed: 24.03.2024).
- Claverie B., du Cluzel F. (2022) *The Cognitive Warfare Concept*. Available at: https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/CW-article-Claverie-du-Cluzel-final_0.pdf (accessed: 24.03.2024).
- Claverie B., Prébot B., Buchler N., du Cluzel F. (eds.) *Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance*, Bruxelles: NATO Science and Technology Organization. Available at: <https://2050>.

- su/wp-content/uploads/2023/02/CW_T08.-Cognitive-Warfare-The-Future-of-Cognitive-Dominance.pdf (accessed: 24.03.2024).
- Del Mar M., Stern S. (2023) Cognitive Legal Humanities: An Introduction. *Critical Analysis of Law*, vol. 10, no. 1, pp. 1–10. Available at: <https://cal.library.utoronto.ca/index.php/cal/article/view/41642> (accessed: 24.03.2024).
- Eidelson R. (2013) Neuroscience, Special Forces and Yale. *Counterpunch*, 6 March. Available at: <https://www.counterpunch.org/2013/03/06/neuroscience-special-forces-and-yale/> (accessed: 24.03.2024).
- Farahany N. A. (2023) *The Battle for Your Brain: Defending the Right to Think Freely in the Age of Neurotechnology*, New York: St. Martin's Press.
- Fleming J. (2022) Changing the LAW(S) of War: The Normative Implications of Autonomous Weapons Systems. *Centre for International and Defence Policy*, 25 April. Available at: <https://medium.com/centre-for-international-and-defence-policy/changing-the-law-s-of-war-the-normative-implications-of-autonomous-weapons-systems-803c7b484574> (accessed: 24.03.2024).
- Gaines J. (2018) Brain Scans in the Courts: Prosecutor's Dream or Civil Rights Nightmare? Experts Debate the Legal Promise and Pitfalls of Technology for Peering into People's Minds. *Inside Science*, 14 March. Available at: <https://www.insidescience.org/news/brain-scans-courts-prosecutors-dream-or-civil-rights-nightmare> (accessed: 24.03.2024).
- Garland B., Glimcher P.W. (2006) Cognitive Neuroscience and the Law. *Current Opinion in Neurobiology*, no. 16, pp. 130–134.
- Giordano J. (2019) Is Neuroscience the Future of Warfare? *Defence IQ*, 17 April. Available at: <https://www.defenceiq.com/defence-technology/articles/neuroscience-and-future-warfare-1> (accessed: 24.03.2024).
- Giordano J., Kraft C.J. (2017) Integrating Brain Science and Law: Neuroscientific Evidence and Legal Perspectives on Protecting Individual Liberties. *Frontiers*, 8 November. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fnins.2017.00621/full> (accessed: 24.03.2024).
- Goodenough O. R., Tucker M. (2010) Law and Cognitive Neuroscience. *Annual Review of Law and Social Sciences*, vol. 6, pp. 61–92.
- Le Guyader H. (2020) Weaponization of Neuroscience. Available at: <https://innovationhub-act.org/wp-content/uploads/2023/12/WoNS.pdf> (accessed: 24.03.2024).
- Haas I. J., Warren C., Lauf S. J. (2019) Political Neuroscience: Understanding how the Brain Makes Political Decisions. Available at: <https://osf.io/preprints/psyarxiv/kvzcf> (accessed: 24.03.2024).
- Hage J. (2012) Legal Reasoning and the Construction of Law. *i-Lex*, vol. 7, no. 16, pp. 81–105.
- Jin H., Hou L.-J., Wang Z.-G. (2018) Military Brain Science — How to Influence Future Wars. *Chinese Journal of Traumatology*, vol. 21, no. 5, pp. 277–280.
- Jost J. T., Nam H. H., Amodio D. M., Van Bavel J. J. (2014) Political Neuroscience: The Beginning of a Beautiful Friendship. *Political Psychology*, vol. 35, no. 1, pp. 3–42.
- Kahan D.M. (2013) Cognitive Bias and the Constitution. *Chicago-Kent Law Review*, vol. 88, no. 2, pp. 367–410.
- Von Klausevitz K. (2020) *Printsipy vedeniya voyny* [Principles of war], L. A. Igorevskiy (transl.), Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Krishnan A. (2016) *Military Neuroscience and the Coming Age of Neurowarfare*, London: Routledge.
- Manzanares J. V. (2014) Cognitive Linguistics and the Law. *Anuari de Filologia. Estudis de Lingüística*, vol. 4, pp. 185–200.
- Del Mar M., Stern S. (2023) Cognitive Legal Humanities: An Introduction. *Critical Analysis of Law*, vol. 10, no. 1, pp. 1–10. Available at: <https://cal.library.utoronto.ca/index.php/cal/article/view/41642> (accessed: 24.03.2024).
- McCarthy-Jones S. (2019) The Autonomous Mind: The Right to Freedom of Thought in the Twenty-First Century. *Frontiers*, 26 September. Available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/frai.2019.00019/full> (accessed: 24.03.2024).

- Medushevsky A. (2011) Kognitivnaya teoriya prav i yuridicheskoe konstruirovaniye real'nosti [The cognitive theory of law and legal engineering of the reality]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 20, no. 5, pp. 30–42. (In Russian).
- Medushevsky A. N. (2023) Kognitivnaya voyna: sotsial'nyy kontrol', upravlenie soznaniem i instrument global'nogo dominirovaniya. Chast' 1 [Cognitive warfare: social control, meaning-making and the instrument of the global dominance. Part 1]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no. 2, pp. 85–98. (In Russian).
- Medushevsky A. N. (2023) Kognitivnaya voyna: sotsial'nyy kontrol', upravlenie soznaniem i instrument global'nogo dominirovaniya. Chast' 2 [Cognitive warfare: social control, meaning-making and the instrument of the global dominance. Part 2]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no. 3, pp. 92–107. (In Russian).
- Medushevsky A. N. (2023) Krizis mezhdunarodnogo prava i ukrainskiy konflikt [The crisis of international law and the Ukrainian conflict]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1, pp. 53–69. (In Russian).
- Mineo L. (2023) Fighting for Our Cognitive Liberty. *The Harvard Gazette*, 26 April. Available at: <https://news.harvard.edu/gazette/story/2023/04/we-should-be-fighting-for-our-cognitive-liberty-says-ethics-expert/> (accessed: 24.03.2024).
- Mora M. N. (2019) How *Law and Neuroscience* Became a New Field of Study. *Bioethics Update*, vol. 5, no. 2, pp. 75–88.
- Moreno J. D. (2006) *Mind Wars: Brain Research and National Defense*, Washington, DC: Dana Press.
- Nasser Al-Suqri M., Saif Al-Aufi A. (eds.) (2015) *Information Seeking Behavior and Technology Adoption: Theories and Trends*, Hershey, PA: Information Science Reference.
- Nasu H., McLaughlin R. (eds.) (2014) *New Technologies and the Law of Armed Conflict*, Canberra: Springer.
- Pardede J. N., Poluakan P. H. (2021) Law and Post-Truth: Critical Constructivism as an Ideal Legal Reasoning Method on Indonesia's Post-Truth Era Society. *Volksgeist*, vol. 4, no. 1, pp. 1–9.
- Pastor A. (2023) Cognitive Warfare. Available at: <https://www.scribd.com/document/640028102/CognitiveWarfare2022> (accessed: 24.03.2024).
- Pirker B., Smolka J. (2019) The Future of International Law is Cognitive — International Law, Cognitive Sociology and Cognitive Pragmatics. *German Law Journal*, vol. 20, no. 4, pp. 430–448.
- Rai Leekha S. (2022) The Future of the Battle for Minds. *Observer Research Foundation*, 15 January. Available at: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-future-of-the-battle-for-minds/> (accessed: 24.03.2024).
- Rickli J.-M., Mantellassi F., Glasser G. (2023) Peace of Mind: Cognitive Warfare and the Governance of Subversion in the 21st Century. Available at: <https://www.gcsp.ch/publications/peace-mind-cognitive-warfare-and-governance-subversion-21st-century> (accessed: 24.03.2024).
- Rosenthal H. (2019) Scanning for Justice: Using Neuroscience to Create a More Inclusive Legal System. *Columbia Human Rights Law Review*, vol. 50, no. 3, pp. 290–338.
- Santos B. S. (ed.) (2007) *Cognitive Justice in a Global World: Prudent Knowledges for a Decent Life*, Lanham: Lexington Books.
- Schacter D. L., Loftus E. F. (2013) Memory and Law: What Can Neuroscience Contribute? *Nature Neuroscience*, vol. 16, no. 2, pp. 119–123.
- Schmitt M. N. (2022) War, Technology and the Law of Armed Conflict. In: Helm A. M. (ed.) *International Law Studies. Volume 82: The Law of War in the 21st Century: Weaponry and the Use of Force*, Newport, RI: Naval War College, pp. 137–182.
- Schutt R. K., Seidman L. J., Keshavan M. S. (eds.) (2015) *Social Neuroscience: Brain, Mind, and Society*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Shortland N. D., Alison L. J., Moran J. M. (2019) *Conflict: How Soldiers Make Impossible Decisions*, Oxford: Oxford University Press.
- Solan L. M. (2002) Symposium: Cognitive Legal Studies: Categorization and Imagination in the Mind of Law. *Brooklyn Law Review*, vol. 67, no. 4, pp. 941–948.

- Unsworth J. (2013) *Neuroethics Meets Just War Theory: Ethical Issues and the Development of the Third Offset Strategy*, Fort Sam Houston, TX: Army Medical Education Center.
- Velden M. (2008) Design for a Common World: On Ethical Agency and Cognitive Justice. *Ethics and Information Technology*, vol. 11, no. 1, pp. 37–47.
- Vidal I. L. (2020) In Defence of a Constructivist Conception of Legal Interpretation. *Revus*, vol. 40, pp. 63–83.
- Watts S., Lawless R. (2022) The Law and Character of War in 2035. *Lieber Institute for Law and Warfare at West Point*, 25 March. Available at: <https://lieber.westpoint.edu/law-character-war-2035/> (accessed: 24.03.2024).
- Zmigrod L., Tsakiris M. (2021) Computational and Neurocognitive Approaches to the Political Brain: Key Insights and Future Avenues for Political Neuroscience. *The Royal Society Publishing*, 22 February. Available at: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2020.0130> (accessed: 24.03.2024).